ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 343.13

Ляхов Ю.А.

РАСШИРЕНИЕ ЧАСТНЫХ НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ КАК ФАКТОР ЕГО ГУМАНИЗАЦИИ

В статье анализируется сущность публичности уголовного процесса, пределы расширения в нем частных начал как средства его гуманизации — обеспечения прав и свобод личности.

The article analyzes the nature of publicity of criminal proceedings, the limits of expansion it a private began as means of humanizing him, guarantees the rights and freedoms of the individual.

Ключевые слова: *публичность, частные начала, гуманизация уголовного судопроизводства.*

Keywords: *publicity, private began, humanization of criminal proceedings.*

Деление права, его отдельных отраслей на публичные и частные используется правоведами давно, имеет многовековую историю. Еще один из знаменитых древнеримских юристов Ульпиан (Домиций Ульпиан — 170 — 228 гг.) четко различал право, регулирующее вопросы, относящиеся к делам республики — публичное право, и регулирующее отношения отдельных граждан — частное право. Как видим, в основу разделения положены прежде всего интересы, признаваемые и защищаемые правом. Если это интересы государственные, интересы всего общества, публичные, то и право, регулирующее отношения в связи с этими интересами, защищающее их — публичная отрасль. В тех же случаях, когда правом регулируются отношения отдельных лиц, граждан – соответствующая отрасль будет частным правом.

Конечно, следует отметить, что таких отраслей права, в которых регулируется отношения только публичные или только частные, нет и быть не может. Это объясняется главным образом сложностью предмета правового регулирования соответствующей отрасли, всевозрастающим и усложняющимся характером современного взаимодействия личности, общества и государства.

Но из этого отнюдь не следует, что деление отраслей права на публичные и частные устарело. Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что, «разводя две сферы права, следует определять не столько их собственные признаки, сколько отличительные особенности их отдельных элементов, которые могут носить как частноправовой, так и публично-правовой характер, а также степень их присутствия: по тому, какие элементы преобладают в той или другой сфере права, в определенной правовой отрасли, можно условно (выделено мною — Ю.Л.) отнести ее к частному либо публичному праву» [1, с. 125].

Основной принцип разделения права на отрасли публично-правовые и отрасли частного права был и остается неизменным. И заключается он в том приоритете, которым государство руководствуется, регулируя соответствующие общественные отношения. Отдается приоритет государственным, публичным интересам или личным, частным. И расширение публичных или частных начал в различных отраслях права отнюдь не ведет к изменению их сути — превращению публичной отрасли права в частное право, или наоборот.

Конечно, разграничение права на публичное и частное может проводиться и по другим, дополнительным признакам, которые ,однако , не должны исключать указанного нами [2, с. 5 — 16].

Заслуживает также внимания и анализ содержания принципа публичности, выделение отдельных его элементов в уголовном процессе [3, с. 37 и др.]. Однако с характеристикой принципа публичности как соответствующего требования, «обращенного к субъектам, ведущим уголовный процесс» [3, с. 62], используемой в названной работе М.Т. Аширбековой и Ф.М. Кудина, нельзя согласиться. Требование — это лишь желаемое свойство права, в

то время как принцип должен отражать его основное реальное положение, его реальную характеристику.

К сожалению, названный основной критерий разделения отраслей права на публично-правовые и отрасли частного права игнорируется рядом ученых правоведов. Особенно наглядно проявляется это в науке уголовного процесса. Многие авторы, в том числе и в учебной литературе, вообще отрицают наличие такого принципа в уголовном процессе, руководствуясь формальным соображением — отсутствием закрепленной формулировки этого принципа в главе 2 УПК РФ, посвященной принципам уголовного процесса [4]. Интересно, к какой отрасли права в этом случае они относят уголовный процесс?

Но и те авторы, которые не отрицают публичности уголовного процесса России, наличия в нем принципа публичности, определяют этот принцип совершенно неудовлетворительно. В их представлении публичность предстает главным образом как обязанность государственных органов и должностных лиц возбуждать уголовные дела, раскрывать преступления и изобличать виновных в каждом случае обнаружения признаков преступления (Ч. 2. Ст. 21 УПК РФ) [5, с. 76 — 77].

Подобный взгляд на принцип публичности был высказан еще в советское время и стал общепризнанным. Так, проф. М.С. Строгович писал, что « принцип публичности уголовного процесса заключается в том, что органы следствия и дознания, прокуратура и суд при возбуждении , расследовании и разрешении… уголовных дел, обязаны принимать все законные меры и совершать все законные действия для раскрытия преступлений, изобличения и наказания преступников…». [6, с. 136]. Иными словами, принцип публичности в этом случае сводится к требованию, чтобы государственные органы и должностные лица в уголовном процессе выполняли возложенные на них по закону должностные обязанности. Подобное упрощенное представление о принципе публичности и послужило причиной отказа депутатов Государственной Думы РФ внести его в текст УПК РФ 2001 года [7, с. 87 — 91].

Но в чем причина того, что выдающиеся ученые советского времени предлагали в качестве понятия публичности уголовного процесса всего лишь одно из проявлений его, далеко не исчерпывающее содержание этого принципа? Как нам представляется, сделано это было не случайно и не по ошибке. Характеризовать принцип публичности как выражение приоритета государственного начала в уголовном процессе в советское время было просто не безопасно. Ведь в таком случае пришлось бы показывать гипертрофированность государственных интересов, игнорирование личных (частных) интересов при производстве по уголовным делам. Куда спокойнее свести все к обязанностям государственных органов и должностных лиц.

Еще раз следует отметить, что публичность российского уголовного процесса — это такое его характерное свойство, которое заключается в том, что уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения основаны, строятся исходя из приоритета публичных (государственных, общественных) интересов над интересами частными, личными. Совершение преступления, борьба с преступлениями затрагивают, как правило, интересы всего общества. И эти интересы должны прежде всего учитываться при законодательном регулировании порядка производства по уголовному делу.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что приоритет государственных интересов в уголовном судопроизводстве отнюдь не означает игнорирования законных интересов граждан или меньшую заботу государства об обеспечении прав и законных интересов личности в уголовном процессе. Законные интересы граждан в уголовном судопроизводстве полностью совпадают с интересами государственными, интересами общества. Поэтому государство и заинтересовано в активном и эффективном использовании гражданами — участниками уголовного судопроизводства — предоставленных им при производстве по уголовному делу процессуальных прав.

Однако гармония государственных (публичных) интересов и интересов личных (частных) в уголовном процессе отнюдь не означает их полного совпадения. Публичный интерес в уголовном процессе исторически определялся в первую очередь задачей раскрытия преступления и изобличения виновного в его совершении. Решение этой задачи неизбежно сопровождается вторжением в личную жизнь граждан, выражается в ограничении, ущемлении их прав.

Защита интересов личности, втянутой в орбиту уголовного процесса, если она ставилась,

то отодвигалась на второй план. Таков многовековой исторический опыт, последствия которого испытывают на себе все уголовно-процессуальные системы мира, в том числе и российское уголовное судопроизводство. При этом уровень учета и защиты прав личности в уголовном процессе зависит от государства, его характеристики. Чем более демократическое государство, тем больше внимания оно уделяет защите прав личности в уголовном процессе.

Так, советское, по сути тоталитарное, государство исходило из того, что государственные, общественные интересы в уголовном процессе полностью совпадают с интересами личности и нет нужды в их специальной защите. Из этого вытекало гипертрофирование публичных интересов и игнорирование частных личных) интересов. Обвиняемые и подозреваемые по УПК РСФСР 1960 года фактически не имели права на защитника в досудебном производстве, личные интересы свидетелей совсем не учитывались законодателем и никак не обеспечивались, ограниченные возможности были и у потерпевших от преступлений лиц.

В начале 90-х годов прошлого столетия в России изменились социально-экономические условия. Россия была провозглашена демократическим правовым государством, проводящим социальную политику, направленную на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь, свободное развитие человека (ст. ст. 1 и 7 Конституции Российской Федерации). Человек, его права и свободы согласно Российской Конституции являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

В этих условиях большую остроту приобрел вопрос о расширении частных начал в уголовном судопроизводстве России и его гуманизации. Следует отметить, что частные начала и гуманизм права тесно связаны, поскольку учет и обеспечение личного, частного делает право и практику его применения человечными.

Гуманизация уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и практики его применения, как и гуманизация всей российской правовой системы, была и остается главным направлением преобразования нашего права, и совершенствования нашего судопроизводства. Именно гуманизация позволит перейти к качественно новому праву, покончить со старой правовой системой, которая по преимуществу была карательной, запретительной, исходившей из неограниченного примата интересов государства над личностью.

В ходе судебно-правовой реформы и принятия в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса РФ удалось значительно продвинуться по пути гуманизации российского уголовного судопроизводства, устранить наиболее одиозные ограничения прав личности при производстве по уголовным делам.

Так, были значительно расширены права потерпевших от преступления лиц (ст. 42 УПК РФ). Теперь потерпевший наделен широким кругом прав для отстаивания своих законных интересов. Объем этих прав отнюдь не меньше, чем у других участников процесса, заинтересованных в определенном исходе уголовного дела, в том числе и обвиняемого.

Свидетели получили право на свидетельский иммунитет (ст. 51 Конституции РФ, ч. 4 ст. 56 УПК РФ), т. е. право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен УПК РФ.

Впервые в российском законодательстве свидетель получил право являться на допрос со своим адвокатом (ч. 4 ст. 56 УПК РФ), который наделен достаточным кругом прав для оказания юридической помощи свидетелю (ч. 2 ст. 53, ст. 189 УПК РФ).

Ушло в прошлое бесправное положение на предварительном расследовании подозреваемых и обвиняемых, когда они были лишены фактически на всем протяжении этой стадии права иметь защитника — адвоката. По советскому уголовно-процессуальному законодательству такое право предоставлялось обвиняемому только после объявления ему следователем об окончании предварительного следствия. На дознание защитник не допускался, не имел права на защитника и подозреваемый.

С 1992 г. адвокат-защитник стал допускаться к участию в уголовном деле сразу же, как в уголовном процессе появляется подозреваемый или обвиняемый.

Можно без труда привести и еще целый ряд серьезных изменений российского уголовно-процессуального законодательства, усиливающих в нем частные начала, гуманизирующие его. Вместе с тем необходимо отметить, что подвижки уголовно-процессуального законодательства в сторону его гуманизации и расширения частных начал должны быть продолжены.

Необходимость расширения частных начал в российском уголовном процессе как средства его гуманизации, усиления гарантий прав личности сегодня фактически никем из исследователей не ставиться под сомнение. Возникает и дискутируется лишь вопрос о пределах расширения частных начал в российском уголовном судопроизводстве, о возможности установить эти пределы в законодательстве. Так, О.Ю. Бакаева и Н.А. Погодина пишут: «Отсутствие в российском законодательстве и судебной практике каких-либо правил для определения оптимального соотношения частных и публичных интересов подчеркивает сложность и многоаспектность…вопроса» [8, с. 37].

Как мы уже отмечали, соотношение публичного и частного в уголовном судопроизводстве зависит от воли государства, которая в свою очередь определяется характером государства и конкретными социально-экономическими условиями. Самые общие законодательные положения на этот счет вряд ли будут иметь какое-то практическое значение. Хотя есть смысл подчеркнуть, что любое расширение частных начал в уголовном судопроизводстве не изменит его публичной сущности. Уголовный процесс России как был, так и останется публично-правовой отраслью российского права.

В то же время следует обратить внимание на некоторые условия расширения частных начал в уголовном процессе.

Во-первых, расширение частных начал не должно происходить механически, путем простого увеличения процессуальных прав личности. Необходимо учитывать, что права личности в уголовном процессе обеспечиваются и гарантиями правосудия, т. е. и публичными началами. Умаление последних при расширении прав личности может привести как раз к обратному результату. Это, к сожалению, и сегодня далеко не всегда учитывает законодатель.

Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 года УПК РФ дополнен главой 321 «Дознание в сокращенной форме». Введен порядок расследования, значительно упрощающий и сокращающий сроки дознания в определенных законом случаях (ст. 2261 УПК РФ). Все это позволяет оперативно принять законное решение по делу, своевременно обеспечить права и законные интересы участников процесса. Обеспечивая права потерпевшего от преступления лица, законодатель обоснованно предусмотрел, что производство дознания в сокращенной форме не может производиться, если потерпевший возражает против этого порядка (п. 6 ч. 1 ст. 2262 УПК РФ).Однако законодатель пошел дальше, не ограничившись этим предоставленным потерпевшему правом. Согласно ч. 3 ст. 2263 УПК РФ потерпевший получил право заявить ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме и о продолжении дознания в общем порядке в любой момент производства по делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату. И такое ходатайство подлежит удовлетворению, а дело судом возвращается прокурору. Все это несомненно может привести к неоправданной волоките и, как следствие, к сокращению гарантий правосудия и ущемлению прав личности, ее интересов, причем не только обвиняемого, но и самого потерпевшего.

Во-вторых, необходимо признать, что личные (частные) интересы участников процесса могут не совпадать с публичными интересами уголовного судопроизводства, противоречить им. Так, свидетель в некоторых случаях бывает заинтересован в том, чтобы скрыть от следствия и суда сведения, касающиеся его самого или его близких родственников. У любого обвиняемого естественно появляется желание не понести уголовной ответственности или не быть наказанным строго.

Законодатель должен учитывать и разрешать эти коллизии частного и публичного интересов исходя из значимости того блага, которое этим решением государство берет под свою защиту. Так, отказ свидетеля давать показания, конечно, осложняет установление истины по делу. Поэтому в советское время свидетель обязан был во всех случаях давать показания, иначе он нес уголовную ответственность за отказ от дачи показаний. Но свидетельские показания против самого себя и особенно против родственников и близких могут разрушить семейные, близкие человеческие отношения. В современной России, в

которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), государство посчитало возможным отдать предпочтение в уголовном процессе личному (частному) интересу свидетеля ,даже за счет определенного усложнения процесса установления истины по делу. В России впервые был введен свидетельский иммунитет, согласно которому никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (ст. 51 Конституции РФ).

Аналогичный подход, по сути, законодатель использует и при разрешении названной коллизии частных интересов обвиняемого и публичных интересов. Там, где обвиняемый содействует раскрытию преступления, оказывает помощь в изобличении других преступников, в обнаружении похищенного имущества, частный интерес обвиняемого — не понести строгой уголовной ответственности — признается законодателем и обеспечивается (гл. гл. 40, 401 УПК РФ).

Не менее серьезным и значимым для российского уголовного судопроизводства является и вопрос о расширении круга дел частного обвинения. Не случайно, среди мер по усилению гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве Концепция судебной реформы в Российской Федерации назвала и расширение круга дел частного обвинения в российском уголовном процессе [9, с. 86]. Именно в этой категории дел интересам личным, частным отдается приоритет по сравнению с интересами государственными. По этой категории преступлений уголовные дела возбуждаются только по жалобам потерпевших, обвинение по ним поддерживает потерпевший, дела эти прекращаются, если потерпевший и подсудимый примирились.

В советское время такие дела возбуждались только по четырем незначительным по общественной опасности преступлениям: умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, клевета без отягчающих обстоятельств и оскорбление без отягчающих обстоятельств (ст. 27 УПК РСФСР). На протяжении многих лет этот перечень сохранялся, поскольку для советского законодателя частное, личное всегда считалось второстепенным.

Однако при проведении судебно- правовой реформы в 90-е годы прошлого столетия вышеназванное положение Концепции судебной реформы в РФ осталось нереализованным. И это несмотря на то, что в юридической науке не только обосновывалась необходимость расширения круга дел частного обвинения, но и были предложены конкретные рекомендации, был определен перечень составов преступлений, по которым возможно производство в порядке частного обвинения [10, с. 18]. УПК РФ 2001 года без всяких изменений перенес из советского УПК РСФСР круг дел частного обвинения в действующее уголовное судопроизводство (ст. 20 УПК РФ).

Такое положение, очевидно, можно объяснить недооценкой значения частных начал в уголовном судопроизводстве и живучестью старых советских традиций.

Серьезным препятствием для расширения частных начал в российском уголовном процессе является традиционное пренебрежение правами личности, особенно на досудебном производстве. Из года в год растет количество выявляемых прокурорами нарушений законности на дознании и предварительном следствии, достигнув поистине астрономических чисел. Только «за прошлый 2012 год прокуроры установили более 5 миллионов нарушений законов, допущенных правоохранительными органами на досудебной стадии уголовного судопроизводства» [11].

Очевидно от такого положения мы еще долго не избавимся, если будем всецело отдавать предпочтение публичному и только публичному началу при расследовании, а именно — раскрытию преступлений. Ведь до сих пор оценка работы органов расследования ведется по проценту раскрываемости расследуемых ими преступлений. Что же касается соблюдения прав и законных интересов личности в уголовном процессе, внимания к частным его началам, то перелома в этом вопросе пока у наших правоприменителей не отмечается.

Таким образом, расширение частных начал уголовного процесса и неуклонное соблюдение прав и законных интересов лиц при производстве по уголовному делу являются главным фактором его гуманизации, раскрывают подлинную сущность российского уголовного судопроизводства.

Литература

1. *Горшунов Д.Г.* Концептуальные основы деления права на частное и публичное // Правовая политика в условиях модернизации. // Государство и право. 2011. №10.
2. См. например, *Яковлев В.Ф. Талапина Э.В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. №10.
3. *Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М.* Принципы публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы). Волгоград. 2007.
4. Делается это многими авторами в том числе и в учебной литературе. См. например, Гриненко А.В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. №9. С.55; Россинский С.Б. Уголовный процесс России. М., 2007. С.49-72; Уголовный процесс России. Воронеж, 2003. С. 36.
5. См., например, *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб., 2005.
6. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
7. Подробнее см. об этом: *Ляхов Ю.А.* Принцип публичности // Уголовный процесс. Общая часть: Учебник. Ростов-на-Дону, 2008.
8. Бакаева О.Ю., Погодина Н.А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 1.
9. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.
10. См, например: *Ляхов Ю.А.* Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Автореф. дис…докт. юрид.наук. СПб., 1994.
11. *Ямшанов Б.* Война с преступным миром. Интервью с Генеральным прокуророжхм РФ Ю. Чайка // Российская газета. 2013. 29 апреля.

УДК 343.3:321

Воронцов С.А.

О ПРОБЛЕМАХ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ, РЕАЛИЗУЕМОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, И НАПРАВЛЕНИЯХ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье исследуются проблемы антиэкстремистской и антитеррористической информационно-пропагандистской политики, реализуемой в Российской Федерации, предлагаются пути ее совершенствования, в том числе ставится вопрос о разработке федеральной программы по созданию информационного контента, направленного на компрометацию идеологии экстремизма и терроризма.

In this article author studies the problems of anti-extremist and anti-terrorism informational and promotional policies, implanted in the Russian Federation, suggests the ways of its improvement, including the problem of the development of the Federal program of formation of informational content, directed on discrediting the ideology of terrorism and extremism.

Ключевые слова: *экстремизм, терроризм, антиэкстремистская и антитеррористическая информационно-пропагандистской политика, Интернет, социальные сети, блогосфера, информационный контент.*

Keywords: *extremism, terrorism, anti-extremist and anti-terrorism informational and promotional policies, Internet, social networks, live journals, blogospheres, informational content.*

Анализ событий последних десятилетий, произошедших в правовой и политической жизни Российской Федерации, убедительно свидетельствует, что крушение советской идеологической парадигмы не устранило большинства социально-экономических и конфессионально-этнических противоречий, существовавших в СССР, более того, изменение государственного и общественного строя способствовало росту таких опасных явле-